

УДК 32.019.51

Прокудин Б. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

РОМАН Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА» КАК РАЗМЫШЛЕНИЕ О «НАСТОЯЩИХ» НИГИЛИСТАХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструировать социально-политическое содержание романа Н. С. Лескова «Некуда», важной составляющей которого было размышление о «настоящих» нигилистах.

Процедура и методы. Методологической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению текстов художественной литературы.

Результаты. Долгое время считалось, что роман Н. С. Лескова «Некуда» – антинигилистический. Однако сам Лесков был убеждён, что в своём романе он развивает «главную идею» романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», который современники называли «Евангелием нигилистов», т. е. пытается показать коренные различия между «настоящими» нигилистами, людьми долга и труда, и «шальной толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами. В статье показано главное различие метода описания «настоящих» нигилистов у Чернышевского и Лескова. Если первый утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», то второй работал в этом же направлении от противного, разоблачая «шалых шавок» нигилизма. В статье приведён сравнительный анализ поведенческих стратегий героев Чернышевского и Лескова, которых можно назвать «настоящими» нигилистами. В статье также реконструирован общественный идеал, выраженный в романе «Некуда».

Теоретическая значимость. В статье реконструировано социально-политическое содержание романа «Некуда», представления Н. С. Лескова о «настоящих» нигилистах и общественном идеале.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Н. С. Лесков, «Некуда», нигилисты, «Что делать?», общественный идеал

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[История создания романа «Некуда»](#)

[Роман «Некуда» – галерея нигилистов](#)

[Реализм «Некуда» и идеализм «Что делать?»](#)

[Общественный идеал Лескова](#)

[Заключение](#)

B. Prokudin

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gori 1, Moscow 119991, Russian Federation

NIKOLAI LESKOV'S NOVEL "NO WAY OUT" AS A REFLECTION ON "REAL" NIHILISTS

ABSTRACT

Aim. To reconstruct the social and political content of Nikolai Leskov's novel "No Way Out", in which Leskov's reflections on "real" nihilists were a crucial part.

Methodology. The methodological basis of this study is the historical and political science approach to the study of fiction texts.

Results. For a long time it was believed that Nikolai Leskov's novel "No Way Out" is anti-nihilistic. However, Leskov himself was convinced that in his novel he was developing the "main idea" of Nikolai Chernyshevsky's nihilistic novel "What Is To Be Done?", which is considered to be the "Nihilistic Gospel". He attempted to show the fundamental differences between the "real" nihilists, people of duty and labor, and the "crowd of empty insignificant people" who call themselves nihilists. The article shows the main difference in the method of describing the "real" nihilists of Chernyshevsky and Leskov. While the first affirmed the idea of the need for honest work, showing solely a positive example of the ideal "new people", the second followed the principle of contradiction and exposed the false nihilists. The article provides a comparative analysis of the behavioral strategies of the protagonists of Chernyshevsky and Leskov who can be called "real" nihilists. The article also reconstructs the social ideal expressed in the novel "No Way Out".

Research implications. The article reconstructs the social and political content of Nikolai Leskov's novel "No Way Out", ideas about the "real" nihilists and the social ideal.

KEYWORDS

Nikolai Leskov, "No Way Out", nihilists, "What Is To Be Done?", social ideal

ВВЕДЕНИЕ

В 1863 г. в журнале «Современник» появился «политический» роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Воздействие этого «Евангелия нигилистов» на общество и политический процесс в России оказалось колоссальным и ощущалось представителями нескольких поколений. Чернышевский создал цельное готовое мировоззрение для молодёжи (прежде всего для разночинцев) и спрятал его в любовный роман [см.: 10, р. X]. Его уловка сработала невероятно эффективно, трактат, который притворился романом, получил такую большую аудиторию, что оппонентам Чернышевского ничего не оставалось, как отвечать тем же. Любое разоблачение нигилизма, написанное в виде журнальной статьи, было обречено на неудачу. На более широкие слои населения теперь можно было воздействовать только художественной литературой. И оказалось, что в России есть писатели, готовые бороться с нигилизмом Чернышевского его же оружием и, главное, есть выдающийся издатель, М. Н. Катков, который готов за это им платить хорошие гонорары

и исправно их печатать в одном из лучших литературных журналов – «Русском вестнике». Так появилось целое литературное направление – антинигилистический роман. Долгое время считалось, что одним из первых таких романов был роман Н. С. Лескова «Некуда», который появился в следующем, 1864 г. Однако называть «Некуда» классическим антинигилистическим романом сложно хотя бы потому, что Лесков в тот период выступал в поддержку Чернышевского, искренне считая, что в своём романе развивает «главную идею» романа «Что делать?», пытаясь очистить образ «настоящего» нигилиста от вредных напластований.

Нужно начать с того, что Лесков одним из первых откликнулся на выход романа «Что делать?» рецензией (ещё до написания «Некуда»), и эта рецензия, вышедшая в газете «Северная пчела» с эпиграфом-половицей: «Чёрт не так страшен, как его рисуют», – оказалась положительной. Лесков выступил в ней как «беспартийный» критик, но при этом человек, в силу жизненных обстоятельств хорошо знакомый с кругом людей, которых в 1860-х гг. было принято называть «нигилистами». С точки зрения Лескова, после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (добавим, и статей Д. И. Писарева о Базарове) «сердитые» молодые люди в России получили зримый образ для подражания и ряд идеологических максим, в соответствии с которыми можно было выстраивать свою жизнь. Они копировали лучшее, что было у нигилиста Базарова, стремились самообразовываться и приносить помощь людям. Их Лесков уважительно называет «настоящими» нигилистами. Но вместе с ними, к несчастью, народились в большом количестве «уродцы российской цивилизации», люди, которые тоже хотели подражать Базарову, но так как самообразовываться и приносить кому-то пользу сложно, оказались его «кариатурами», копируя не лучшие, а самые «резкие черты оригинала»: «Гадкий нигилизм весь выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве ... Такова в большинстве грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма»¹.

Чернышевский, по мнению Лескова, в своём романе рассказал, какими должны быть «настоящие» нигилисты, из которых вышел Базаров, показал, как отличить «настоящих» нигилистов от «шальных шавок, окричавших себя нигилистами»: они «трудятся до пота», испытывают «уважение к взаимным естественным правам» и стремятся «дать благосостояние возможно большему числу людей»². При этом Лесков довольно снисходительно отнёсся к социалистической утопии Чернышевского. По его мнению, «экономической системы, создающей действительную гармонию», не существует. Но есть

¹ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52, 53.

² Там же. С. 55.

люди, «пытающиеся приладить эту систему», и их существование полезно обществу³.

Вторая важная идея, высказанная Лесковым в статье о романе «Что делать?», касалась его революционности. Лесков пишет, что к 1863 г. в обществе сложилось неверное представление о Чернышевском как о вожде революционеров. Возможно, потому, что в своих многочисленных журнальных статьях он высказывал «только отрицание да отрицание, антипатии да антипатии, а симпатий своих ни разу не сказал. Он их не сказывал, конечно, по обстоятельствам, от него не зависящим, а “проницательные читатели” думали, что его симпатии... головорезы, Робеспьер верхом на Пугачёве ... Между тем г. Чернышевский из своего далека прислал нам роман, в котором открыл себя, как никогда ещё не открывал ни в одной статье. Теперь перед нами его симпатии»⁴. И эти симпатии оказались вполне мирными. «Новые люди» его «не несут ни огня, ни меча», пишет Лесков, а если пытаться ответить на заглавие романа, то оказывается, надо «посвятить себя труду на основаниях, представляющих, возможно, более гармонии в ровном интересе всех лиц трудящихся. Г-н Чернышевский, – резюмирует Лесков, – как *нигилист*, и, судя по роману, *нигилист-постепеновец*, не навязывает здесь ни одну из теорий ..., но заставляет пробовать: как лучше, как удобней? Где же тут Марат верхом на Пугачёве?»⁵.

Интересно, что в своей рецензии Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убеждён, что вместо «пошлого отрицания всего»: любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада (что свойственно людям «дерзким и невежественным») – необходимы постепенные мирные преобразования жизни крестьян, включающие просвещение, внедрение новых орудий и методов сельскохозяйственного труда, улучшения медицины и т. д. И был уверен, что Чернышевский написал свой роман именно об этом, о том, что «настоящие» нигилисты не «крикуны», а люди труда.

«Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами. Теперь это в Петербурге стало каким-то неопределённым понятием ... Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего»⁶, – эти слова из рецензии Лескова 1863 г. на роман Чернышевского «Что делать?» можно было бы поставить эпиграфом к роману «Некуда»,

³ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 55.

⁴ См. там же. С. 53, 54.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 54, 55.

ведь одной из центральных проблем романа стала проблема нахождения коренных различий между «настоящими» нигилистами и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА «НЕКУДА»

Поразительно, что человек, считавший, что развивает «главную идею» романа Чернышевского, после выхода «Некуда» оказался объектом сокрушительной критики со стороны радикальных журналистов. А Д. И. Писарев после прочтения «Некуда» вопрошал: «1) Найдётся ли теперь в России – кроме “Русского вестника” – хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого (псевдоним Лескова. – Б. Л.) и подписанное его фамилией? 2) Найдётся ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?»⁷. И этой филиппике, как писал Л. А. Анненский, «суждено было намертво приклеиться к роману Лескова и дойти до самых наших дней чем-то вроде несмываемого клейма» [1, с. 76]. Почему так произошло?

Ответ тут, конечно, лежит на поверхности. Чернышевский утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», Лесков работал в этом же направлении от противного, разоблачая «шалых шавок» нигилизма, к тому же имеющих узнаваемые прототипы. В 1861 г., переехав в Петербург, Лесков начал сотрудничество с газетой «Русская речь», которую издавала Е. В. Салиас-де-Турнемир. В редакции он познакомился с писателями В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым. И в том же году завёл знакомство с приехавшим из Англии революционером и публицистом А. Бенни. И несмотря на то, что с редакцией «Русской речи» Лесков разорвал отношения довольно скоро, а в 1862 г. подвергся ожесточённым нападкам со стороны радикальной прессы за неосторожную статью о майских пожарах в Петербурге, в 1863 г. он ещё некоторое время общался со «старыми друзьями», имел возможность наблюдать изнутри обитателей «Знаменской коммуны», созданной Слепцовым: княжну Е. А. Макулову, молодую переводчицу М. Н. Коптеву и др. [2, с. 89–98].

Все эти люди, выведенные в «Некуда», оказались настолько узнаваемыми, что, по словам критика «Русского слова» В. А. Зайцева, одного из первых откликнувшихся на роман, Лескову не хватало только «фотографических снимков», чтобы его роман был похож на немецкие полицейские газеты, где помещают портреты преступников. Салиас-де-Турнемир получила имя маркизы де Бараль, Слепцов стал Белоярцевым, Левитов – Завулоновым, Маку-

⁷ Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 275.

лова – Бертольди, Коптева – Бахиревой и т. д. [9, с. 614–637]. Критика такого подхода была беспощадной. Всех возмутило, что Лесков зло и карикатурно описал вчерашних единомышленников. Даже если он вдруг почувствовал их своими идеологическими оппонентами, это были люди, к которым он недавно ходил в гости, садился за один стол. А кто-то, как, например, Салиас-де-Турнемир, ещё и помогал ему делать первые шаги в литературном мире Петербурга. Это выглядело неблагодарностью и предательством. «В сущности, – продолжал Зайцев, – это просто плохо подслушанные сплетни, перенесённые в литературу»⁸. В подобном роде отреагировал и сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей» А. С. Суворин, узнавший себя в одном из персонажей «Некуда»: «Г. Стебницкий – человек не без дарования, и притом оригинального. Дарование это заключается в том, что автор хорошо описывает предметы, даже очень хорошо. Я думаю, что г. Стебницкий может не только поставлять романы с описанием примет известных лиц, но даже с успехом мог бы служить по следственной части»⁹. Здесь вновь прозвучал намёк на доносительство Лескова. В такой ситуации никто не решился заступиться за Лескова, на «Некуда» не вышло ни одной положительной рецензии. Представители существовавших тогда идеологических направлений не захотели встать на сторону писателя, провозгласившего себя «человеком без направления» и в то же время в глазах публики оказавшегося злостным «гонителем всего прогрессивного». А за Лесковым закрепилась репутация писателя, подозреваемого в связях с Третьим отделением.

Несдержанная едкость характеристик, которые себе позволил Лесков в отношении круга социалистов и либерального кружка маркизы де Бараль, злые пародии на реальных людей долгое время не давали читать роман беспристрастно и разглядеть в нём что-то, помимо антинигилистической критики. Тогда как роман «Некуда», кроме критики, содержит представления об общественном идеале и является во многом автобиографической книгой. Сейчас кажется, что цель, которую ставил перед собой Лесков в период написания романа, состояла не столько в разоблачении либералов и нигилистов, сколько в самопознании. Это, помимо всего, роман-размышление Лескова о том, какие философские и социально-политические идеалы могут быть основой честной жизни. И что нужно делать для улучшения жизни в России.

Если обратить внимание на биографический контекст написания романа, мы увидим, что Лесков в тот момент болезненно переживал утрату прежних идеалов и находился в поиске новых. Переехав в Петербург в 1861 г., Лесков поселился в квартире профессора И. В. Вернадского, где жил тогда член организации «Земля и воля» А. И. Ничипоренко, который зарабатывал

⁸ См.: В. З. [Зайцев В. А.] Перлы и алмазы русской журналистики // Русское слово. 1864. No. 6. Отд. II. С. 43–52.

⁹ Знакомый г. Стебницкого [Суворин А. С.] Пропущенные главы романа «Некуда» // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 11 сент.

на жизнь в качестве репетитора сына Вернадского. Лесков и Ничипоренко подружились и сделались единомышленниками. Вполне возможно, что Лесков даже принимал участие в составлении революционной прокламации «Русская правда» [9, с. 614–637]. Ничипоренко был арестован по «делу 32-х» о связях русских «заговорщиков» с «революционной эмиграцией», Герценом и Огарёвым. Он действительно поддерживал связь с Герценом, был корреспондентом «Колокола». Лесков в тот период также был горячим почитателем «лондонских пропагандистов». Ничипоренко умер в Петропавловской крепости ещё до окончания процесса. Лесков в том же 1861 г. начал сотрудничать в издании «Русская речь» Е. В. Салиас-де-Турнемир, которое можно охарактеризовать как либеральное и умеренно оппозиционное. Слепцов и Левитов публиковали там очерки «из народной жизни». А Лесков учился писать статьи на «общественные темы». В 1862 г. Лесков подвергся ожесточённой критике за свою «пожарную» статью, напечатанную в «Северной пчеле» [4, с. 151–159]. А в 1863 г. он уже писал «Некуда», всячески пытаясь отмежеваться от русских революционеров и высмеивая либералов. Вряд ли он делал это из страха быть арестованным, очевидно, что к моменту написания романа он не разделял взгляды своих прежних знакомцев. Но эволюция взглядов, судя по датам, происходила у Лескова так стремительно, а роман писался в такой горячке, что о разработанной и непротиворечивой мировоззренческой позиции автора «Некуда» говорить было бы неправильно. В романе чувствуется мучительное желание сформулировать своё кредо по всем основным общественным и политическим и личным вопросам и расквитаться со своими заблуждениями. Такое объяснение «молодому бешенству, с каким изображались социалисты и маркиза де Бараль», предлагает современная исследовательница творчества Лескова М. А. Кучерская. «“Некуда” – это не донос, – пишет она, – а прощание с незадавшейся молодостью и проклятие её. Лесков рвал со всеми, не простив им своих ошибок. Он снова и снова убеждал себя и мир в узости их взглядов на мужчину и женщину, на семью и образование, на политическое и экономическое будущее России» [4, с. 211].

РОМАН «НЕКУДА» – ГАЛЕРЕЯ НИГИЛИСТОВ

Итак, в романе «Некуда» – две основные сюжетные линии. Первая – история девушки Лизы Бахиревой, которая, вернувшись из института, не находит понимания в родительском доме. Она много читает и мечтает о новой жизни в среде близких по духу людей, у которых «слово не расходится с делом». В результате она уходит из дома и поселяется в коммуне социалистов, основанной Белоярцевым. Помимо этого, Лиза влюбляется в благородного революционера Вильгельма Райнера, который в конце романа погибает, сражаясь за дело освобождения Польши. Гордая Лиза, поняв всю никчемность затеи

Белоярцева, всё же не может отказаться от выбранного пути. Узнав об аресте Райнера, она отправляется с ним проститься и погибает от воспаления легких, простудившись в дороге. Вторая сюжетная линия – история доктора Дмитрия Розанова, который, подобно Лескову, недолго увлекается идеями социалистов, потом посещает салон либеральной маркизы де Бараль. Но разочаровавшись, рвёт отношения с теми и другими, даже спасает социалистов, уничтожив накануне обыска литографический камень и прокламации, на нём отпечатанные. Расставшись с полусумасшедшей женой, пессимист Розанов всё же находит счастье с новой женщиной и устраивается на должность полицейского врача в Петербурге.

Глазами Лизы и Розанова мы видим целую галерею «шалых шавок» нигилизма, более и менее безобидных. Это и либеральная предводительница «углекислых фей Чистых прудов», взбалмошная маркиза де Бараль, которая «не могла рассуждать спокойно и последовательно» и говорила «умные слова, спутанные в самые беспутные фразы». Это и переполненный «половой чувствительностью» и властолюбием Белоярцев, основавший коммуны, подражая героям романа «Что делать?» Чернышевского. Однако коммуна распалась после полугода беспорядочной жизни и постоянных склок маленького кружка якобы прогрессивных единомышленников, которые на деле оказались неспособными не только трудиться, но даже поддерживать небольшое совместное хозяйство, и чёрную работу за «социалистов» выполняла прислуга. Но Райнер и Лиза Бахарева, любимые герои Лескова, идут в революционное движение с готовностью к подвигу, по убеждениям. Их нельзя упрекнуть ни в глупости, как маркизу де Бараль, ни в неискренности, как Белоярцева. И уж точно нельзя заподозрить в подлости. Почему они оказываются в революционном движении? По сюжету романа оба они стали нигилистами не по «безбожию» и не «вследствие страсти к подражанию всему западному», как описывали появление нигилизма многие консервативные мыслители [6, с. 81–85; 8, с. 43–45], а благодаря внешним обстоятельствам. Дед Райнера, пастор, был расстрелян, отстаивая независимость Швейцарии, отец был «вольнодумцем», общался с Герценом и завещал сыну бороться с несправедливостью. И тому в самодержавной России 1860-х гг. не оставалось ничего другого, кроме как погибнуть за «землю и независимость крестьян» и свободу Польши. Лиза отучилась в институте, обрела навыки критического мышления и, вернувшись домой, увидела в своей семье лицемерие, ханжество, «мертвенность». Всё это она не замечала ранее, но теперь уже не могла с этим мириться. Первым желанием её было жить другой жизнью, нежели та, которую ей готовила мать. А чтение «социалистов и материалистов» помогло ей укрепиться в своём желании бежать из дома и искать счастья в социалистической коммуны. Этих героев, следуя классификации Лескова, вполне можно назвать «настоящими» нигилистами.

Более того, «нигилистом» себя считает доктор Розанов, за которым стоит сам автор. В начале романа «лекарь» Розанов своими чертами напоминает «лекаря» Базарова. В уездном городе, где он служит, многие считают его «распущенным», «неуступчивым», «грубым», но все эти качества происходят из-за его нежелания льстить и обманывать. Люди же, знающие его близко, восхищаются его небезразличием к чужому горю и работоспособностью. Розанов, к примеру, относится с отвращением к лживой новой морали Белоярцева и ему подобных, которые называют семью «вредным» и «безнравственным учреждением», однако сам утверждает в романе право разойтись с нелюбимой женой и построить новую семью с любимым человеком, хотя бы и не освящённую церковью. Действует вполне в соответствии с заветом «свободы сердца» Ж. Санд и Чернышевского.

У Лескова трагедия Лизы, чувствующей потребность построить свою жизнь на новых принципах честности, справедливости и труда, вместе с близкими по духу «новыми людьми», заключается в том, что в России таких людей нет, или их ничтожно мало. «Недавно родился этот тип и быстро расплодится», – писал о «новых людях» Чернышевский в романе «Что делать?». В Петропавловской крепости ему хотелось верить, что их становится всё больше, что «настоящие» нигилисты – уже не «отдельные личности» (как Базаров), предвещающие появление «этого типа», а нечто большее¹⁰. По Лескову, Чернышевский ошибался. Искренние и честные участники движения так и остались одиночками, оказавшимися, кроме того, погружёнными в среду «дураков, плутов, мошенников», способных только скомпрометировать любую идею. И если этот тип и «расплодится», то, скорее, за счёт «уродцев российской цивилизации», которые, подражая Базарову, копировали не любовь к науке, а грубость и невежество, а у героев «Что делать?» в силу собственной нравственной первобытности находили не стремление к труду и честности в семейных отношениях, а оправдание собственной половой распущенности и разрешение отрицать всё, что им не нравится.

Ещё в романе «Отцы и дети» Тургенев показал карикатурных нигилистов, Ситникова и Кукшину. По наблюдениям Лескова, за то время, когда нигилизм «вошёл в моду», его социальную базу составили в большинстве своём именно Ситниковы и Кукшины, а более всего – болтуны и праздные фразёры: «Разве это *нигилисты*? Разве каждая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыд, – *нигилисты*?»¹¹. В этих словах Лескова чувствуется даже сожаление, что благородные начинания часто погибают, потому что распространяются в среде людей, где мало кто готов их серьёзно воспринимать и, кроме того, они оказываются дискредитированы «шутами и дураками, приставшим

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 149.

¹¹ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52.

к ней по страсти к моде». «На великое несчастье этих людей (“новых людей” – Б. П.), – рассуждает Лесков в романе “Некуда”, – у них не было вовремя силы отречься от пристававших к ним шутов. Они были более честны, чем политически опытные, и забывали, что один Дон Кихот может убить целую идею рыцарства. Так и случилось. Шуты насмешили людей, дураки их рассердили»¹². Уже в старости Лесков вспоминал: «Нигилизм погубил себя тем, что преувеличивал свои силы, когда оказалось, что настоящих нигилистов по пальцам можно сосчитать» [7, с. 171].

В одном из последних высказываний о романе, зафиксированном А. И. Фаресовым, Лесков говорил: «А романом “Некуда” я горжусь и считаю его в русской литературе самым верным романом о 60-х годах. Теперь, стариком, я удивляюсь, как это меня хватило разобраться в то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почве выросли нигилисты и чем они кончат. Но у меня всё-таки есть свои Райнеры и Бахаревы, которых не купишь ничем. В русской литературе я один дал таких верных людей, а меня за них десятки лет позорили и инсинуировали» [7, с. 57]. «Верные люди!» Глядя ретроспективно на произведения, в которых предпринималась попытка художественного осмысления формирования разночинного самосознания, можно согласиться с Лесковым, его «люди» кажутся наиболее «верными», правдоподобными. Особенно если сравнивать героев «Некуда» с героями романа «Что делать?», идеи которого Лесков развивал, с идеями которого он полемизировал.

РЕАЛИЗМ «НЕКУДА» И ИДЕАЛИЗМ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Лиза Бахарева многим напоминает Веру Павловну (главную героиню романа Чернышевского), они вышли из похожих семей, читали потом похожие книги, обе захотели искренности, честности в отношениях и труда на пользу людям. В результате радикально поменяли свою жизнь. Кроме того, обе героини – решительны и «горячи натурой». Но если Вера Павловна у Чернышевского – идеальная «новая женщина», то Лиза Бахарева, скорее, женщина реальная, полная сомнений и заблуждений. Н. Н. Страхов в своей рецензии на роман «Что делать?» с иронией писал, что герои Чернышевского уж слишком счастливые люди. А обычным людям свойственно совершать ошибки, увлекаться идеями, потом разочаровываться в них. У обычных людей бывает, что «самые благородные намерения, самые чистые цели часто не спасают от самообольщения», которое порой приводит к конфликтам и провалам. В результате эти уроки жизни «часто ломают жизнь; но, если они выносятся, то ведут к большему и большему нравственному просветлению». Однако ничего подобного не случается с «новыми людьми» Чернышевского. «У них не бывает заблуждений жизни, стремящейся *научиться собственным опытом*

¹² Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 136.

и примером; они, как будто не живши, уже знают жизнь и обладают трезвостью мужества чуть ли не с двенадцатилетнего возраста»¹³. По Чернышевскому получается, что с осознанием человеком своих «истинных» потребностей меняется его природа, все слабости и сомнения остаются в прошлом. А выстраивание жизни в духе «разумного эгоизма» навсегда снимает для «новых людей» противоречие между личной пользой и служением человечеству.

У Лескова всё не так. Два его «настоящих» нигилиста, Лиза и Розанов, в какой-то момент прерывают многолетнюю дружбу, поссорившись как раз на почве эгоизма. Лиза обвиняет Розанова в эгоизме по отношению к «человечеству»: «Дело не в том, а вы равнодушны к человеческому горю, – говорит она; – вы только пугаете людей и стараетесь при каждом, решительно при каждом случае отклонять людей от готовности служить человечеству». На эту откровенность Розанов отвечает своей откровенностью, обвиняя Лизу в пренебрежении «ближними» людьми, в частности в беззастенчивой эксплуатации влюблённого в неё Юстина Помады (второстепенного персонажа романа), преданность которого она не ценит, но с лёгкостью ею пользуется. «– Да чего же вы, наконец, от меня хотите? – запальчиво крикнула Лиза. – Хочу? Ничего я от вас не хочу, а желаю, чтобы необъятная ширь ваших стремлений не мешала вам, любя человечество, жалеть людей, которые вас окружают, и быть к ним понисходительнее. Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все эти гуманные теории – вздор, ахинея и ложь, только вредящая делу»¹⁴. По мнению Розанова, сочетание «горячей природы и честных стремлений» «отуманивает» Лизу, лишает её критического мышления, не даёт отделить «честных людей» от «подлецов». Вере Павловне же «горячая натура» только помогает вести дела. Возможно, потому, что окружают её исключительно благородные Кирсановы и Лопуховы, а не Белоярцев и Бертольди, как Лизу.

Вильгельм Райнер у Лескова чем-то напоминает знаменитого персонажа Чернышевского – Рахметова. На это обратил внимание Горький в статье 1923 г.: «Лесков нашёл героя по душе себе – это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского “Что делать?” ... Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости» [3, с. 230]. Действительно, благородством и почти святостью они с Рахметовым похожи. Райнер называет себя социалистом и активно ведёт революционную пропаганду в России, а потом героически погибает в бою, во время польского восстания 1863 г. Рахметов готовит себя к какому-то важному событию, в котором читатели угадывали революцию. Но разница между Рахметовым и Райнером – такая же, как между Верой Павловной и Лизой. Рах-

¹³ См.: Страхов Н. Н. Счастливые люди // Н. Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 567, 570.

¹⁴ См.: Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 471–474.

метов безупречен во всем, что бы он ни делал, он не испытывает ни страха, ни сомнений. От этого выглядит искусственно, иногда даже комично. Например, интеллектуальное становление Рахметова описано следующим образом. В 16 лет он приехал в Петербург простым «добрым и честным юношей» и узнал, что среди студентов есть люди, которые «думают не так, как другие», заинтересовался. Один из таких студентов, Кирсанов, дал ему несколько французских и немецких книг (социалистов и материалистов). Рахметов увлёкся, «читал больше трёх суток сряду, – с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвёртой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов 15. Через неделю он пришёл к Кирсанову, потребовал указаний на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хоть ему было только 17 лет, а им уже по 21 году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уже он был особенным человеком»¹⁵. Получается, чтобы стать «особенным» человеком и приобрести мудрость, которой хватит для переустройства общественных отношений, нужно не более полугода чтения французских и немецких книг.

Райнер не обладает мудростью, спокойствием и рассудительностью Рахметова. Он становится революционером не благодаря книгам, а почти по семейной традиции, не смея отступить от заветов отца. Представления его о России довольно абстрактные. Он судит о ней по «опоэтизированным рассказам о русской общине» и «прирождённых наклонностях русского народа к социализму» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Рассказы русских «либералов-туристов», услышанные в Лондоне, помогают ему уверовать, что «в России каждую минуту может вспыхнуть революция», а так как он с детства считал революцию «законнейшим из всех дел человеческих», Райнер принял решение ехать в Петербург и «положить за неё свою голову»¹⁶. Среди русских нигилистов благородный Райнер чувствует себя чаще всего неловко и растерянно, не понимая, можно ли кому-то доверять. И, не найдя в русских подпольных организациях никаких «элементов для революции», как будто от отчаяния отправился бороться за независимость Польши. Горький писал о Райнере как об одном из самых правдоподобных персонажей в творчестве Лескова вообще, написанном «не от ума, а от сердца»: «Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя» [3, с. 232].

Что касается Дмитрия Розанова, для него нет похожего персонажа в романе «Что делать?». Но своим пессимизмом и нелюбовью к фразёрству и лицемерию

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 205.

¹⁶ См.: Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 287.

он напоминает Базарова и ещё одного важного героя разночинской литературы, скептика Михаила Череванина из повести Н. Г. Помяловского «Молотов». Как и Череванин, Розанов неудовлетворён жизнью, много пьёт и пытается не отгораживаться от реальности никакими иллюзиями: либеральными или революционными. Будучи врачом, он довольно скептически относится к человеческой натуре и не склонен ждать её чудесного преображения «по теории». В романе нет конкретного указания на то, кем является Розанов по происхождению, но в моменты растерянности он ведёт себя «как семинарист в помещицком доме»: «неловко кланяется» и «краснеет пятнами». По манерам, образу жизни, достатку и роду деятельности он, вероятно, – разночинец. Если утверждать, что о начале формирования разночинного самосознания можно судить применительно к повестям Помяловского [5, с. 91–111], о развитии и идеологическом оформлении – по романам Тургенева «Отцы и дети» и Чернышевского «Что делать?», Лесков как будто делает следующий шаг. Его разночинец Розанов, симпатизировавший поначалу идеям Чернышевского, имеет возможность наблюдать, как его теоретические проекты реализуются на практике. И убеждается в несостоятельности этих проектов, по крайней мере на текущий момент. В частности, социалистическая коммуна Белоярцева даже отдаленно не похожа на то, что задумывал Чернышевский. И видя ничтожно малое количество «истинных» «новых людей», Розанов, обладатель черт Череванина, Базарова и даже Лопухова, выбирает не борьбу, а «мещанское счастье». Розанов находит себе тихую жену и устраивается работать полицейским врачом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ЛЕСКОВА

Лесков был нетипичным писателем для довольно ещё стратифицированного русского общества XIX в. Горький писал о нём: «Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная ... Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется “душою народа”» [3, с. 228]. Действительно, Лесков вполне мог идентифицировать себя с представителями разных сословий. И в произведениях разных периодов устами главных героев он представил ряд соображений, которые условно можно назвать общественным идеалом священнослужителей («Соборяне»), общественным идеалом дворянства («Захудалый род») и разночинным общественным идеалом («Некуда»).

В романе «Некуда» через своего героя Розанова Лесков утверждает идеал постепенца. Как в романе «Отцы и дети» определение нигилизму дают идейные оппоненты Базарова, так и в романе «Некуда» определение постепенца, т. е. человека, который стоит «за какой-то непонятный правильный прогресс», произносит оппонентка Розанова Бертольди среди «граждан»

коммуны Белоярцева¹⁷. Но Розанов в силу своего пессимизма положительного идеала не высказывает. Лесков доверяет сказать программный монолог «постепеновства» молодому купцу Луке Маслянникову, веселому и деловому, который впервые появляется на последних страницах романа. Он в грубой и доступной форме поясняет суть «правильного прогресса». Лука – человек деятельный и социально ответственный, его интересует не только нажива: «Надо служить обществу, – говорит он, – отпираться от такой службы стыд зазрит». Он разумно управляет купленными имениями, да ещё даёт ссуды крестьянам, потому что они «деньгу в дело обращают». Лука хочет завести на своих землях пожарную команду, ремесленную школу и больницу. Причём первым делом – подобрать сирот, «да в школу, чтобы не пропадали». Хочет нанять себе в секретари студента, «возьми жалованье и живи честно». «Чего доброго, нате вам, ещё и театр заведём. Знай наших!», – говорит он. Квинтэссенция постепеновства в словах Маслянникова, которыми завершается роман: «Я, брат, точно, сердит. Сердит я раз потому, что мне дохнуть некогда, а людям всё пустяки на уме; а то тоже я терпеть не могу, как кто не дело говорит. Мутоврят народ тот туда, тот сюда, а сами, ей-право, великое слово тебе говорю, дороги никуда не знают, без нашего брата не найдут её никогда. Всё будут кружиться, и всё сесть будет некуда»¹⁸. От «сердитого» Луки досталось за праздность всем «фразёрам» от студентов до публицистов и писателей. Потому что настоящая «служба обществу» – это строительство школ и больниц, это разумное управление имениями и поддержка крестьян. И чтобы преуспеть в этом деле, не нужно читать французских и немецких книг, надо знать русскую жизнь и трудиться.

Именно здесь – точка размежевания между «постепеновством» Чернышевского и «постепеновством» Лескова. Первый призывает жить честно по Жорж Санд, «заводить мастерские» по Блану, коммуны – по Фурье, и трудиться «до пота», причём «не из одного желания личного прибытка», а для «возможно большего числа людей». Лесков в романе «Некуда» не спорит с благородством замысла, но показывает, как деформируются идеи Чернышевского, попадая в головы людей, неспособных воспринять их правильно в силу своего нравственного и интеллектуального уровня. К сожалению, эти идеи извращаются не только глупыми и аморальными людьми, они могут запутать и внести сумятицу в нравственные представления людей умных и благородных, таких как, например, Лиза Бахарева. Поэтому «постепеновство» Лескова – это прежде всего отказ от теоретического, книжного познания мира.

¹⁷ Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 457.

¹⁸ Там же. С. 707–708.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не вникая в контекст эпохи, можно было бы подумать, что роман с таким содержанием не мог бы оскорбить никого из «честных молодых людей». Критикуя «большое» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман должен был служить общественному прогрессу. Так считал Лесков. Однако публика увидела в «Некуда» пасквиль и карикатуру на прогрессистов. Конечно, Лесков виноват сам, его «шалые шавки нигилизма» были так узнаваемы, а поступок автора, окарикатурившего вчерашних друзей, казался таким неэтичным, что долгие десятилетия «Некуда» воспринимался как донос. А разгромная рецензия Писарева с безжалостными напутствиями помогла уничтожить репутацию автора, только вступившего на литературное поприще. В статье «О шепотниках и печатниках» 1882 г. Лесков писал: «Двадцать лет кряду такое же гнусное оклеветание нёс я, и оно мне испортило немного – *только одну жизнь...*»¹⁹.

«Это было почти убийство, – писал о рецензии Писарева на роман “Некуда” Горький. – Тогда Лесков – ожесточенный до бешенства – наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман “На ножах”; в этом романе нигилисты изображены ещё хуже, чем в “Некуда”, до смешного мрачно, немудро, бессильно» [3, с. 230]. Лесков писал роман, действительно, «наскоро», только спустя семь лет после «Некуда». Но Горький прав, в романе «На ножах» «истинных» нигилистов уже не было. Новый роман «общественного направления» Лесков публиковал в «Русском вестнике» Каткова в 1870–1871 гг., уже не опасаясь, что его обвинят в реакционности. И новый рассказ о нигилистах, действительно, похож на месть Лескова всем радикальным «клеветникам», которые так безжалостно уничтожали его роман «Некуда». Все герои-нигилисты в новом романе – подлецы и коварные преступники. Однако нужно заметить, что в период написания «На ножах» Лесков упражнялся в жанре готического романа, который не может обойтись без преступлений и мрачной атмосферы близкой беды. Здесь и спиритические сеансы, и привидения, сходящие с картин люди, медиумы, подброшенные ножи, подпленные мосты, языческие камлания, сожжённые завещания и бесконечные убийства. А нигилисты, перешедшие со страниц реалистического романа «Некуда» в жанровый «На ножах», перестают быть смешными и обретают черты монстров.

¹⁹ Лесков Н. С. О шепотниках и печатниках (1882) // Литературное наследство. 2000. Т. 101. №2. С. 51–59.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.06.2023

Статья размещена на сайте: 25.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский Л. А. Лесковское ожерелье. СПб.: Библиополис, 2012. 560 с.
2. Брумфилд У. Василий Слепцов. Жизнь и творчество // Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. С. 73–267.
3. Горький М. Н. С. Лесков // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 228–237.
4. Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
5. Прокудин Б. А. Повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» как художественное осмысление формирования разночинного сословного сознания: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 91–111.
6. Прокудин Б. А., Прокудина Е. К. Спор Н. Я. Данилевского и Н. П. Гилярова-Платонова о происхождении русского нигилизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2. С. 81–85.
7. Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Типография М. Меркушева, 1904. 409 с.
8. Ширинянец А. А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38–49.
9. Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: о реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Литературное наследство. 1997. Т. 101. № 1. С. 614–637.
10. Drozd A. Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston: Northwestern University Press, 2001. 332 p.

REFERENCES

1. Annenskii L. A. *Leskovskie ozherel'e* [Leskov's necklace]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2012. 560 p.
2. Brumfild U. [Vasily Sleptsov. Life and creation]. In: Brumfild U. *Social'nyj proekt v russkoj literature XIX veka* [Social project in Russian literature of the 19th century.]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009, pp. 73–267.

3. Gorky M. [N. S. Leskov]. In: Gor'kii M. *Sobranie sochinenij*. T. 24 [Collected works. Vol. 24]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1953, pp. 228–237.
4. Kucherskaya M. A. *Leskov: Prozevannyj genij* [Leskov: Missed Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2021. 622 p.
5. Prokudin B. A. [The novels of Nikolai Pomyalovsky “Bourgeois Happiness” and “Molotov” and the formation of a raznochintsy's class consciousness: a political and textual analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2020, no. 4, pp. 91–111.
6. Prokudin B. A. Prokudina E. K. [The dispute between N. Y. Danilevsky and N. P. Gilyarov-Platonov about the origin of Russian nihilism]. In: *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2022, no. 2, pp. 81–85.
7. Faresov A. I. *Protiv techenij: N. S. Leskov, ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the currents: N. S. Leskov, his life, writings, polemics and memories of him]. St. Peterburg, Tipografiya M. Merkusheva Publ., 1904. 409 p.
8. Shirinyants A. A. [Russian society and politics in the Xix century: revolutionary nihilism]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2012, no. 1, pp. 38–49.
9. Edgerton V. [Leskov, Arthur Benny and the underground movement of the early 1860s: On the real basis of “Nowhere” and “The Mysterious Man”]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 1997, vol. 101, no. 1, pp. 614–637.
10. Drozd A. Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, Northwestern University Press, 2001. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прокудин Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: probo@bk.ru

Boris A. Prokudin – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of the History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: probo@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Прокудин Б. А. Роман Н. С. Лескова «Некуда» как размышление о «настоящих» нигилистах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Prokudin B. A. Nikolai Leskov's novel “No way out” as a reflection on “real” nihilists. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru